

Поворинская В.

**Энциклопедия
семейного воспитания
и обучения.
О приучении девочек
к домашнему хозяйству**

РЕПРИНТ

Москва
Т8 RUGRAM
2021

УДК (03)
ББК я2
П42

Поворинская В.

П42 Энциклопедия семейного воспитания и обучения. О при-
учении девочек к домашнему хозяйству / В. Поворинская, —
М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 38 с. —
(Дореволюционные наставления).

ISBN 978-5-517-05951-2

Искусство домашнего хозяйства во все времена заботило пре-
красную половину человечества, и дамы накапливали знания, пе-
редавая их от матери к дочери. Энциклопедия семейного воспита-
ния — это проверенный временем сборник советов, как правильно
вести домашнее хозяйство — так, как это делали в начале прошлого
столетия.

Практические советы, дошедшие до нас спустя сто лет, но акту-
альные и по сей день, по наставлениям которых можно и сейчас вне-
сти разнообразие в свою повседневную жизнь и отдать дань тому
самому прошлому, где, как хочется верить, было и красиво, и чинно.

BIC GB
BISAC REF015000

ISBN 978-5-517-05951-2

© Наталья Никонова, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

О приученіи дѣвочекъ къ домашнему хозяйству.

Всякое освобожденіе человѣкомъ себя отъ труда не увеличитъ, а уменьшитъ благо его отдѣльной личности и произведетъ ненужное зло другимъ людямъ.

Все это кажется такъ ничтожнымъ, но если бы люди не дѣлали этого, они бы избавились отъ большого количества своихъ грѣховъ и вытекающихъ изъ нихъ страданій.

Л. Толстой.

I.

Важность хозяйственности въ женщинѣ.—Необходимость приученія дѣвочекъ къ домовитости, къ личному труду въ семьѣ.

Для эпиграфа выписка немного велика, но въ этихъ строкахъ прекрасно высказана именно та глубокая и такъ необходимая для современныхъ людей истина, которую я хочу моей статьей только иллюстрировать, пояснить на примѣрѣ женскаго домашнего труда.

Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда вся женская работа въ домѣ кажется такою незначительною, незамѣтною: велика важность стереть пыль, заштопать чулокъ, расчесать кудерки

дочурки, смѣрить температуру у заболѣвшаго—все это можетъ сдѣлать всякій, да еще за такую сравнительно ничтожную плату: 10—12 р. въ мѣсяцъ—и хорошая, вышколенная горничная все это дѣлаетъ великолѣпно; стоитъ ли трудиться самой?

И вотъ свободная (я не говорю о тѣхъ женщинахъ-труженицахъ, которыя своими трудами вѣ-дома содержать свою семью), обеспеченная женщина, которая имѣетъ возможность изъ мужниного заработка или изъ отцовскаго наслѣдства заплатить эти 10—12 рублей, съ легкимъ сердцемъ поручаетъ домашнее хозяйство наемной прислугѣ или прислугамъ, а сама тратитъ свое время и трудъ на иное что-либо. Что же такое это иное?

Не говоря о праздной жизни свѣтской дамы—выѣздахъ, балахъ, пикникахъ и пр.—кажется, нѣтъ надобности доказывать, что во всемъ этомъ меньше смысла, чѣмъ въ стираниі пыли; но и другая дѣятельность праздной женщины—благотворительность во всѣхъ ея видахъ—даетъ ли она право женщинѣ освобождать себя отъ домашней работы? По глубокому моему убѣжденію, далеко нѣтъ. Это въ большинствѣ случаевъ значить крыть чужую крышу, когда своя течетъ.

Если мы приглядимся къ домашней жизни нашихъ благотворительницъ, иногда очень хорошихъ, дѣятельныхъ женщинъ, то всегда тамъ обнаружится въ чемъ-нибудь страшный недочетъ, чаще всего онъ сказывается на уходѣ за дѣтьми: сколько болѣзней происходитъ отъ недосмотра прислуги во время отлучки барыни по ея «дѣламъ», сколько дурныхъ привычекъ неизвестно откуда приобрѣтается.

Мужъ, вернувшись изъ должности, не получаетъ нужнаго комфорта, который бы далъ ему возможность отдохнуть. Наемная женщина, даже очень усердно исполняя свое дѣло, непремѣнно просмотритъ какую-нибудь мелочь, пустякъ, а именно «пустякъ» и придаетъ семейной жизни тотъ оттѣнокъ, то что-то неуловимое, что дѣлаетъ ее милымъ, чуднымъ «уголкомъ», куда каждый членъ ея стремится, какъ въ желанную, тихую пристань.

А главное, сама-то женщина не чувствуетъ счастья: измученная вѣчной гонкой туда и сюда, испытывающая очень часто неудачу, потому что въ большинствѣ случаевъ ея дѣятельность—разыскиваніе денегъ для ея «бѣдныхъ»,—а гдѣ и у кого теперь ихъ найдешь,—и истерзанная видомъ нужды и горя,—она возвращается домой, гдѣ и ее ждетъ рядъ мелкихъ, но несносныхъ неурядицъ: дѣти капризничаютъ, мужъ ворчитъ, да и для себя нѣтъ всего—вещи лежать не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, любимые цвѣты гибнуть отъ пыли и недостаточной поливки, обѣдъ невкусный, на всемъ отпечатокъ какой-то неуютности.

Я не хочу этимъ сказать, что дѣло женщины только свой домъ, своя семья, что она должна въ ней запереться и закрыть глаза на чужую бѣду, и не протягивать руки для облегченія чужой нужды. Но въ томъ-то и дѣло, что она, дѣлая много для другихъ, не должна для этого бросать свои обязанности по дому. Къ тому-то я и веду рѣчь, что если наша современная женщина недововита, не хозяйка, то это только потому, что она къ этому не приучена съ дѣтства. Будь у нея *привычка* къ домовитости, опытные руки, она съумѣла бы легко и скоро управиться съ домашнимъ дѣломъ, отдавая избытокъ времени и труда на пользу постороннимъ.

А то вѣдь большинство нашихъ барышень — «неземныя созданія» въ смыслѣ непрактичности, неумѣлости что-нибудь сдѣлать для себя и своихъ братьевъ и сестеръ. Вы посмотрите только на сборы «барышни» на балъ. Для человѣка нервнаго это прямо пытка. Вся прислуга носится, какъ угорѣлая: одна подогрѣваетъ щипцы для завивки волосъ, другая мажетъ ботинки, третья зашиваетъ оборвавшееся кружево. Сама барышня мечется изъ угла въ уголъ. «Гдѣ платокъ, куда поставили духи, да кто же, наконецъ, взялъ мой вѣеръ?!» только и слышны ея окрики. Даже живущій въ домѣ студентъ - репетиторъ занятъ—починиваетъ разорванную цѣпочку отъ вѣера.—Однимъ словомъ, дымъ стоитъ коромысломъ.

Наконецъ, всегда съ большимъ опозданіемъ, потому что всегда встрѣчаются какія-нибудь нечаянности, вродѣ распоров-

шихся перчатокъ, барышня уѣзжаетъ... Но что за хаосъ представляетъ ея комната!

Съ такимъ вкусомъ, такъ изящно обставленный будуаръ производитъ впечатлѣніе сорной корзины, знаете, что ставятъ у письменнаго стола: на плюшевомъ альбомѣ растаялся чулокъ, на столѣ опрокинулась баночка съ клеемъ и залила нѣжный галстучекъ, брошенный зачѣмъ-то сюда же, на диванѣ валяется груда юбокъ, кофточекъ и другого бѣлья, по самой серединѣ паркета эффектно выдѣляется чернымъ пятномъ стоптанная ночная туфля...

— Господи, что за погромъ, что у васъ тутъ произошло?— воскликнешь невольно.

— Ничего-съ, барышня изволила на балъ собираться,— спокойно отвѣчаетъ горничная, принимаясь за обычное дѣло уборки комнаты. Вотъ нѣсколько бумажекъ слиплось отъ разлившагося клея, надо ихъ выкинуть, и Даша равнодушно швыряетъ ихъ въ печку, а между тѣмъ, это самыя нужныя для барышни записки—посердится же она завтра, когда будетъ искать ихъ—подъломъ!

Боже упаси, если случится несчастье, такая барышня потеряетъ мать и на нее ляжетъ забота о семьѣ, или если она выйдетъ замужъ и уѣдетъ куда нибудь, гдѣ никого не будетъ, кто бы могъ поруководить ею на первыхъ порахъ ея хозяйства. Какъ ее будетъ обкрадывать прислуга, какою гадостью ихъ будутъ кормить, получая за все бѣшенныя деньги! Какой ужасный трудъ ляжетъ тогда сразу на эти хорошенькія но не приученныя ни къ какой работѣ ручки. Вспомнимъ милый, но несчастный образъ Доры изъ Давида Копперфильда—такихъ женъ у насъ сколько угодно. Сколько семейныхъ неурядицъ начинается за обѣденнымъ столомъ молодыхъ супруговъ!

Часто бываетъ, что молодой женщиной надеется тщетно бороться съ хозяйственными неудачами: какъ она ни старается, все точно скользитъ изъ рукъ—барынька приходитъ въ отчаяніе и, махнувъ рукой на все свое хозяйство и семью, бросается, очертя голову, въ разныя удовольствія.

Вѣдь все дѣло въ привычкѣ: опытной, умѣлой хозяйкѣ до-

вольно взгляда, чтобъ обнаружить, въ чемъ бѣда и какъ ее поправить, и часа работы, чтобъ все наладить и привести въ должный порядокъ; а не приученная съ дѣтства къ порядку и работѣ женщина при всемъ своемъ добромъ желаніи будетъ только метаться изъ угла въ уголъ, совершенно напрасно тратя силы, время и деньги—эти три основныхъ богатства человѣка.

Воспитывая вашихъ дѣвочекъ на всемъ готовенькомъ, избавляя ихъ отъ труда собственныхъ рукъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ, вы создаете имъ въ будущемъ жизнь безпорядка; не разъ онѣ упрекнутъ васъ: «ахъ, еслибы меня научили этому съ дѣтства».

Конечно, можно ко всему привыкнуть, можно все преодолѣть силою воли, но у многихъ ли хватитъ этой силы, а потому—зачѣмъ же непроизводительно тратить энергію на борьбу съ дурными привычками, когда можно было бы ее тратить на прямое дѣло?

Позволяя вашимъ дѣвочкамъ бездѣльничать въ отрочествѣ, вы создаете почву для безчисленнаго количества мелкихъ, но несносныхъ непріятностей для нихъ, вы отнимаете у нихъ оружіе изъ рукъ, вы обрекаете ихъ на рабство. Да, вы лишаете ихъ свободы.

Неприученныя къ труду, неумѣющія изъ пустяковъ создавать комфорта—онѣ будутъ несвободны въ выборѣ жизни, многія изъ нихъ продадутъ себя, т.-е. конечно, продадутъ благородно, выйдя замужъ по расчету за человѣка со средствами, не рискуя обречь себя на трудовую жизнь съ недостаточнымъ обеспеченнымъ мужемъ.

Другія пойдутъ служить въ разныя конторы, вмѣсто того, чтобы работать дома. Часто не рассчитываютъ, что трудясь въ своей семьѣ или семьѣ брата, сестры или въ другой какой родной семьѣ, дѣвушка могла бы сберечь гораздо болѣе 25—30 рублей, которые она получаетъ за далеко нелегкую работу писца, счетчика, телеграфиста и пр. Но ее съ дѣтства приучили пренебрежительно относиться къ домашней работѣ—это дѣло прислуги, въ насъ вѣдь еще, ахъ, какъ сильна закваска барства!

Высидживать полдня въ душной, убійственной атмосферѣ конторы, выслушивать грубыя покрикиванія начальника (иной разъ гораздо менѣе образованнаго, чѣмъ она), выдерживать 5—7 часовъ напряженной, но вовсе неинтересной работы счета безконечнаго ряда столбцовъ цифръ или переписки однѣхъ и тѣхъ же фразъ, надоѣвшихъ до одурѣнія—все это считается заманчивымъ, болѣе почетнымъ, чѣмъ замѣнить собою въ родной семьѣ горничную и кухарку, няньку и экономку—почему? Неужели это не предразсудокъ, противъ котораго надо бороться?

А, конечно, не говорю о дѣвушкахъ, которыхъ толкаетъ въ эти конторы горькая нужда, но есть много семей, гдѣ держатъ двухъ, трехъ прислугъ, а барышня щелкаетъ на пишущей машинѣ часовъ по шесть каждый день за 25 р., добывая себѣ на платье и удовольствія, «которыя у меня рѣшительно нѣтъ возможности ей давать», говоритъ ея мать въ похвалу своей прилежной дочки. «Но отпустите Машу и Дашу, вѣдь это же дастъ вамъ экономіи навѣрное больше, чѣмъ на 30 р. въ мѣсяцъ, даже если онѣ честныя и не обкрадываютъ васъ ежедневно на гривеннички». — «О, какъ можно, кто же живетъ безъ прислуги! Самой стряпать, мыть посуду—*fi done!*» и барышня предпочитаетъ бѣгать въ погоду и непогоду въ свою контору, наживая тамъ сидячею жизнью всякія болѣзни, *продавая* свой трудъ, силы, молодость за 25 р. въ мѣсяцъ!

Мы отдаемъ своихъ дочерей въ рабство прислугѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто госпожа въ домѣ? Нервная ли, ничего неумѣющая барыня, со школьной скамьи выскочившая замужъ, или ловкая проворная горничная? Она вертитъ своей барыней, какъ только хочетъ, весь порядокъ дома она заводитъ, она распоряжается вещами, барыня сама не можетъ найти себѣ носоваго платка, она придумываетъ меню обѣда, выбирая не то, что болѣе полезно и соответствуетъ здоровью хозяевъ, а то, что ей легче и выгоднѣе стряпать.

— Маша, завтра у насъ будутъ гости, говоритъ барыня.

— Нѣтъ, барыня, потрудитесь позвать ихъ въ другой разъ, завтра я уйду на именины къ подругѣ,—отрѣзываетъ Маша,

и такъ какъ барыня при приѣмѣ гостей не можетъ обойтись безъ Маши, ей остается только подчиниться Машиному рѣшенію и позвать гостей въ другой разъ, когда это будетъ удобно Машѣ.

Барыня не смѣетъ противорѣчить горничной—вѣдь она въ полной зависимости отъ нея: Маша такъ ловко все дѣлаетъ, она знаетъ, гдѣ что лежитъ,—попробуйте ей отказать, какая въ домѣ поднимется неурядица, на какую еще новую прислугу нападешь, можетъ обокрадетъ или еще что хуже. И вотъ барыня, неумѣющая сама причесаться, незнающая, гдѣ лежать ея рубашки, неотличающая свинины отъ телятины, отдается всецѣло въ руки Маши, Глаши, Поли, та дѣлаетъ, что хочетъ, подъ часъ капризничаетъ, постоянно обсчитываетъ, носить барынино бѣлье,—а барыня все терпи, потому что она *жалкая раба своей же наемницы!*

И все это потому, что ее съ дѣтства не приучили къ домоводству, не дали ей полезныхъ навыковъ, не научили ее ремеслу хозяйки.

Между тѣмъ, кто разъ испыталъ на себѣ, что значитъ «работать», тотъ знаетъ, какое громадное счастье въ этомъ трудѣ своихъ рукъ. Какое странное, но хорошее чувство испытываешь—чувствуешь, что правильно, по настоящему живешь, не утруждая собою другого человѣка, не заставляя его дѣлать то, чего не хочешь дѣлать самъ. Эта работа вызывается житейской необходимостью, она въ самомъ дѣлѣ нужна, ея значеніе не-призрачно (безъ обѣда не проживешь, въ дырявомъ платьѣ ходить неприятно).

Тщеславіе, являющееся такъ часто стимуломъ многихъ дѣятельностей, тутъ ни при чемъ, почему, дѣлая домашнее дѣло, женщина знаетъ, что она поступаетъ не изъ грѣховныхъ побужденій, тогда какъ, дѣлая иныя дѣла, она часто только прикрывается хорошими, благородными цѣлями, а на самомъ дѣлѣ ее къ тому побуждаетъ только желаніе выдѣлиться изъ толпы, заслужить похвалу, порисоваться своей энергіей. Домашнее дѣло чисто отъ такихъ стремленій—большинство работы незамѣтно и такъ житейски просто, что ничьего уди-

вления не вызываетъ, никакихъ восторженныхъ дифирамбовъ за него не получишь.

Но зато свѣтло, радостно и покойно на душѣ, когда спина и ноги немного ноютъ отъ усталости послѣ работы.

Несмотря на это утомленіе, занятіе хозяйки замѣчательно полезно и для здоровья. Многія дамы занимаются массажемъ, тренируютъ себя, ѣздятъ на воды, борясь съ ожирѣніемъ, нервами, всякими *tics* *douloureux* и пр., платя при этомъ безумныя деньги врачамъ и аптекамъ, вѣчно находясь въ кисломъ, раздраженномъ состояніи, ничто имъ не мило.

А между тѣмъ у нихъ подъ руками такое чудное средство для борьбы со всѣми этими недугами—работа по дому. Лучше гимнастики не придумаешь: разнообразіе въ движеніяхъ, сравнительная легкость ихъ, неустойчивость. При каждомъ дѣлѣ всѣ мускулы заняты, все тѣло работаетъ. Возьмемъ, напр., стираніе пыли: голова, руки, корпусъ, ноги—все двигается, испытываетъ извѣстное напряженіе.

Я знала одну даму, которая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ своей жизни, заболѣла серьезнымъ, нервнымъ расстройствомъ. Ее лѣчилъ извѣстный специалистъ, ей былъ предписанъ цѣлый режимъ, ванны, обтиранія, души, а ужъ брома во всѣхъ его видахъ что она выпила! Но положеніе больной все ухудшалось, врачи уже толковали о помѣщеніи ея въ лѣчебницу, боялись, какъ бы она не сошла съума.—Но вотъ барыня случайно остается безъ прислуги, которая была ея совершенной нянькой, и наша больная, волей-неволей, принуждена обойтись день-два собственной работой, она даже рѣшается сама приготовить обѣдъ. Поработавъ весь день, она въ первый разъ послѣ полугода спокойно и скоро засыпаетъ вечеромъ, а поутру встаетъ со свѣжей головой. Это ее такъ удивило, что она задумала и вовсе обходиться безъ прислуги, нанявъ жену швейцара исполнять только черную работу.

Настало лѣто, къ ней пріѣхали гостить ея дѣти, она сама стряпала на всѣхъ, вставая раньше всѣхъ, хлопоча у плиты, бѣгая на ледникъ, на базаръ—и что же? Болѣзненные припадки прекратились, она спала, какъ убитая, на щекахъ по-